НОВАЯ НАУКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД (THE NEW SCIENCE: THEORETICAL AND PRACTICAL VIEW)

Материалы Международной научно-практической конференции 29 октября 2026 года (г. София, Болгария)

© Издателска Къща **«Наука»**,
© НИЦ «**Мир Науки**»
2026

Научно-издательский центр
«Мир науки»

Издателска Къща **«Наука»**

Материалы Международной (заочной)
научно-практической конференции
под общей редакцией **А.И. Вострецова**

НОВАЯ НАУКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД (THE NEW SCIENCE: THEORETICAL AND PRACTICAL VIEW)

научное (непериодическое) электронное издание

Новая наука: теоретический и практический взгляд [Электронный ресурс] / Издателска Къща «Наука», Научно-издательский центр «Мир науки». – Электрон. текст. данн. (1,57 Мб.). – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2026. – 1 оптический компакт-диск (CD-ROM). – Систем. требования: PC с процессором не ниже 233 МГц., Microsoft Windows Server 2003/XP/Vista/7/8, не менее 128 МБ оперативной памяти; Adobe Acrobat Reader 10.1 или выше; дисковод CD-ROM 8x или выше; клавиатура, мышь. – Загл. с тит. экрана. – Электрон. текст подготовлен НИЦ «Мир науки».

© Издателска Къща «Наука», 2026
© Научно-издательский центр «Мир науки», 2026

СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ

Классификационные индексы:
УДК 001
ББК 72
Н72

Составители: Научно-издательский центр «Мир науки»
А.И. Вострецов – гл. ред., отв. за выпуск

Аннотация: В сборнике представлены материалы Международной (заочной) научно-практической конференции «Новая наука: теоретический и практический взгляд», где нашли свое отражение доклады студентов, магистрантов, аспирантов и научных сотрудников вузов Российской Федерации и Республики Беларусь по техническим, психологическим и другим наукам. Материалы сборника представляют интерес для всех интересующихся указанной проблематикой и могут быть использованы при выполнении научных работ и преподавании соответствующих дисциплин.

Сведения об издании по природе основной информации: текстовое электронное издание.

Системные требования: PC с процессором не ниже 233 МГц., Microsoft Windows Server 2003/XP/Vista/7/8, не менее 128 МБ оперативной памяти; Adobe Acrobat Reader 10.1 или выше; дисковод CD-ROM 8x или выше; клавиатура, мышь.

© Издателска Къща «Наука», 2026
© Научно-издательский центр «Мир науки», 2026

ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

НАДВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ:

Сведения о программном обеспечении, которое использовано при создании электронного издания: Adobe Acrobat Reader 10.1, Microsoft Office 2010.

Сведения о технической подготовке материалов для электронного издания: материалы электронного издания были предварительно вычитаны филологами и обработаны программными средствами Adobe Acrobat Reader 10.1 и Microsoft Office 2010.

Сведения о лицах, осуществлявших техническую обработку и подготовку: А.И. Вострецов.

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ:

Дата подписания к использованию: 30 октября 2026 года.

Объем издания: 1,57 Мб.

Комплектация издания: 1 пластиковая коробка, 1 оптический компакт диск.

Наименование и контактные данные юридического лица, осуществившего запись на материальный носитель: Научно-издательский центр «Мир науки»

Адрес: Республика Башкортостан, г. Нефтекамск, улица Дорожная 15

Телефон: 8-917-36-96-471

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.М. Алефиренко, А.Д. Денскевич, Д.Д. Маханьков Сравнительный анализ технических параметров усилителей для цифровых камер систем видеонаблюдения с помощью комплексных показателей качества 6

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Е.А. Жигалова, Л.Е. Пак Духовные экзистенциалы и кризис национальной идентичности 12

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

К.С. Едалова Конституционно-правовой статус личности в условиях развития цифрового государства 20
М.М. Сарычев Понятие, сущность, особенности оперативно-розыскного предупреждения преступлений 25

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

В.И. Изотова, Н.Г. Голубева Роль гипоталамо-гипофизарной системы в нормальной жизнедеятельности человека: её расстройства и патологии 33

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.В. Елистратова, Б.М. Басангова Когнитивные нарушения у детей с расстройствами аутистического спектра: комплексный нейропсихологический анализ 39
В.З. Окунев, Л.Ю. Беленкова Влияние уровня притязаний на характер самоактуализации современной молодежи 49
Е.Н. Трубникова Развитие 4к-компетенций у обучающихся с помощью арт-терапевтических технологий 59

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.М. Алефиренко,
канд.техн.наук, доцент,
А.Д. Денскевич,
магистр, ассистент,
Д.Д. Маханьков,
студент 4 курса,
БГУИР,
г. Минск, Республика Беларусь

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕХНИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ УСИЛИТЕЛЕЙ ДЛЯ ЦИФРОВЫХ КАМЕР СИСТЕМ ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЯ С ПОМОЩЬЮ КОМПЛЕКСНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА

Аннотация: в статье проведен сравнительный анализ усилителей для цифровых камер, применяемых в системах видеонаблюдения, на основе результатов комплексного анализа, включающего расчет арифметического и геометрического показателей качества. Представлены диаграммы распределения комплексных показателей качества, которые позволяют проводить сравнение и ранжирование устройств в соответствии с их техническими параметрами и выбирать наиболее эффективные модели для лучшего функционирования комплексов видеомониторинга объектов.

Ключевые слова: системы видеонаблюдения, цифровые камеры, усилители, технические параметры, сравнительный анализ, комплексные показатели качества, арифметический показатель качества, геометрический показатель качества, диаграммы распределения моделей усилителей.

На сегодняшний день большая часть систем видеонаблюдения строится на базе цифрового оборудования, доминирующего по многим показателям перед аналоговым. Исключением не являются и сами камеры, осуществляющие видеоконтроль охраняемых объектов. *IP*-камеры работают по стеку протоколов *TCP*/*IP*. *TCP*/*IP* – сетевая модель с четырьмя

уровнями прохождения данных. Такие камеры функционируют в сети *Ethernet* – технологии, объединяющей устройства в локальную сеть (*LAN*) для пакетной передачи данных. В отличие от традиционных, *IP*-камеры сжимают поток, обрабатывая его на борту видеокодеками, и тем самым не нагружают сервер [1].

При этом удаленность камер друг от друга и от серверного оборудования может достигать сотен метров, что неизбежно сказывается на качестве передачи данных по кабельным линиям. В связи с этим ключевым элементом таких сетей выступают усилители для цифровых камер, обеспечивающие устранение затухания сигналов и устойчивость каналов связи при работе на больших расстояниях.

В настоящий момент ассортимент усилителей для цифровых камер очень широк и представлен моделями, имеющими различные технические параметры, условия работы и стоимость. Это ставит перед покупателем непростую задачу по выбору конкретного устройства, удовлетворяющего его потребностям.

Чтобы упростить данный процесс, можно применять комплексный метод оценки технических параметров усилителей для цифровых камер с дальнейшим сравнением полученных значений. Данный метод предполагает использование арифметического и геометрического показателей качества, которые продемонстрировали свою применимость и эффективность на практике [2, 3]:

$$K_{\text{ариф}} = \sum_{i=1}^{m} \alpha_{Hi} \cdot k_{Hi}, \quad (1)$$

$$K_{\text{геом}} = \sqrt[m]{\prod_{i=1}^{m} k_{Hi}^{\alpha_{Hi}}}, \quad (2)$$

где $k_{\text{Н}\,i}$ – нормированный i-й единичный показатель;

$\alpha_{\text{Н}\,i}$ – нормированный коэффициент, характеризующий вес (значимость, важность) i-го единичного показателя;

m – количество единичных показателей, принятых во внимание.

В работе были проанализированы 10 моделей усилителей для цифровых камер от различных производителей: *Axis Long Range PoE Extender Kit*, *Linovision POE-EXT*3001*LP*, *Intellinet Ultra Long Range PoE++ Extender*, *Tycon Gigabit PoE Extender*, *Panduit PoE Extender*, *PLANET IPOE-E*174 *Industrial PoE++ Extender*, *TRENDnet TI-E*100 *Industrial Extender*, *Fastcabling Waterproof PoE Extender*, *Osnovo E-PoE*/1*W*, *AXIS T*8129 *PoE EXTENDER*. В качестве единичных показателей были взяты девять наиболее важных технических параметров: максимальное расстояние передачи данных, уровень защиты, совместимость *PoE*, минимальная и максимальная рабочие температуры, длина, ширина, высота и масса.

Результаты расчетов показателей качества, проведенные по формулам (1) и (2) для каждого усилителя, представлены на рисунке 1 и 2.

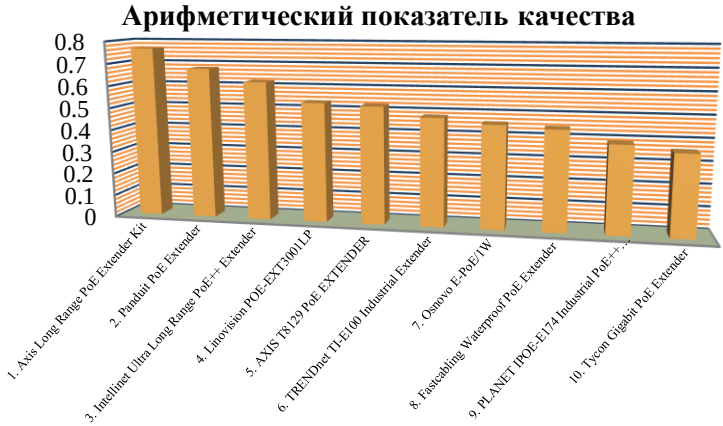

Рисунок 1 – Распределение комплексных арифметических показателей качества усилителей для цифровых камер

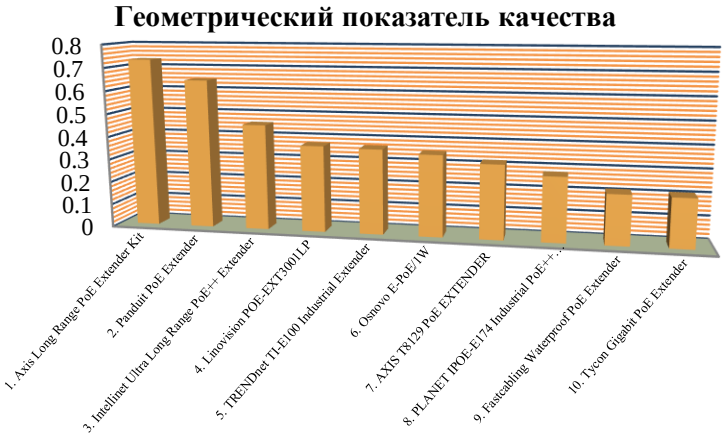
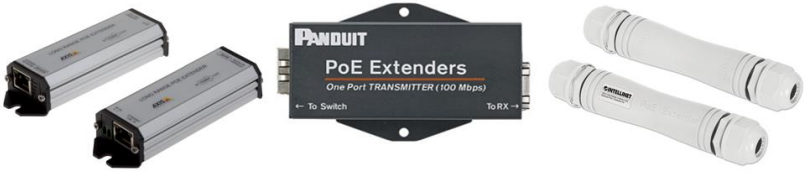

Рисунок 2 – Распределение комплексных геометрических показателей качества усилителей для цифровых камер

Из анализа представленных диаграмм следует, что значения комплексных геометрических показателей подвержены более значительной вариации. Разброс между крайними позициями достигает 0,52, между соседними не превышает 0,19, в то время как аналогичные значения для арифметических показателей составляют 0,40 и 0,09 соответственно. Выявленное различие объясняется более высокой степенью чувствительности геометрического показателя к минимальным значениям единичных параметров, чем комплексного арифметического показателя.

Согласно полученным результатам, в порядке убывания по комплексному арифметическому показателю качества лидирующие позиции занимают следующие усилители: *Axis Long Range PoE Extender Kit* [4], *Panduit PoE Extender* [5], *Intellinet Ultra Long Range PoE++ Extender* [6]. По результатам расчетов геометрического показателя лидерами оказались те же модели. Внешний вид данных устройств показан на рисунке 3. Характеристики ведущих моделей приведены в таблице 1.

а б в

Рисунок 3 – Наилучшие модели усилителей для цифровых камер: а – *Axis Long Range PoE Extender Kit*; б – *Panduit PoE Extender*; в – *Intellinet Ultra Long Range PoE++ Extender*

Таблица 1 – Технические характеристики наилучших усилителей для цифровых камер из рассмотренных моделей

Характеристики	Модели		
	Axis Long Range PoE Extender Kit	*Panduit PoE Extender*	*Intellinet Ultra Long Range PoE++ Extender*
1. Максимальное расстояние передачи данных, м	1000	600	1000
2. Уровень защиты, баллы	10	9	10
3. Совместимость *PoE*, баллы	2	2	3
4. Минимальная рабочая температура, °С	-40	-40	-10
5. Максимальная рабочая температура, °С	70	70	55
6. Длина, мм	120	89	157
7. Ширина, мм	36	50	29
8. Высота, мм	23	26	29
9. Масса, кг	0,100	0,114	0,155

Таким образом, представленный метод выбора усилителей для цифровых камер с помощью комплексных арифметического и геометрического показателей качества позволяет провести всестороннее сравнение взятых моделей по их техническим параметрам и осуществить выбор конкретного устройства, наиболее удовлетворяющего всем потребностям пользователя.

Список использованных источников и литературы:

[1] Ворона В.А. Технические средства наблюдения в охране объектов / В.А. Ворона, В.А. Тихонов. – Москва: Горячая линия-Телеком, 2022. – 188 с.

[2] Морозова А.Н. Оценка качественных показателей видеокамер для систем наружного наблюдения / А.Н. Морозова, Д.Д. Маханьков, В.М. Алефиренко // Современная наука: теория и практика: материалы Междунар. (заоч.) науч. – практ. конф., Астана, 17 марта 2026 г. / Баспасы «Академия», НИЦ Мир науки. – Астана, 2026. – С. 6-12.

[3] Алефиренко В.М. Выбор состава технических средств для систем обеспечения безопасности / В.М. Алефиренко // Доклады БГУИР. – 2017. – №2 (104). – С. 39-44.

[4] AXIS Long Range PoE Extender Kit [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unibelus.by/itm/k90046

[5] PoE Extender Receiver Box [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://opticomtech.com/product/ca-101hd/ https://www.panduit.com/en/products/copper-systems/connectors/power-over-ethernet-poe/p201841.html#pn=POEXRX1

[6] Intellinet Ultra Long Range PoE++ Extender [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://intellinetsolutions.com/products/intellinet-en-ultra-long-range-outdoor-fast-ethernet-poe-extender-kit-561952?srsltid=AfmBOorxEoRu68NlM_OYC342yfMUCjz4zZA8bfEu7D_TkQvqO9MFzUfA

© В.М. Алефиренко, А.Д. Денскевич, Д.Д. Маханьков, 2026

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Е.А. Жигалова,
к.филос. н., доц.,
Московский инновационный университет,
г. Москва, Российская Федерация,
Л.Е. Пак,
к.филос. н.,, доц.,
КБГАУ им. В.М.Кокова,
г. Нальчик, Российская Федерация

ДУХОВНЫЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЫ И КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация: в статье анализируются теоретические подходы к пониманию духовных экзистенциалов и национальной идентичности, выявляется их концептуальная связь, а также рассматриваются конкретные механизмы, посредством которых экзистенциальная тревога трансформируется в кризис национальной идентичности.

Ключевые слова: духовные экзистенциалы, экзистенциальная философия, национальная идентичность, кризис идентичности, онтологическая безопасность, духовность, коллективное самосознание.

Проблема национальной идентичности в последние десятилетия приобрела особую остроту. Глобализация, миграционные процессы, трансформация политических систем, ускорение социальных изменений – всё это разрушает привычные формы коллективного самоопределения. Однако за социологическими и политологическими объяснениями часто ускользает более глубокая проблема: кризис идентичности – это не только кризис социальных институтов или политических нарративов, но и кризис экзистенциальный. Чтобы понять глубину этой проблемы, необходимо, в первую очередь, обратиться к тому, как экзистенциальная философия осмысливает человеческое существование.

Экзистенциализм (Кьеркегор, Хайдеггер, Ясперс, Сартр,

Камю) показал, что человеческое существование принципиально проблемно. Оно не дано как готовая данность, а должно быть осуществлено в условиях конечности, заброшенности, необходимости выбора. Духовные экзистенциалы – такие как смысл, смерть, одиночество, страдание, вина – не просто предметы философской рефлексии; они суть модусы самого бытия человека, его способ присутствия в мире. Национальная идентичность, в свою очередь, может быть понята как один из способов ответа на вызовы этих экзистенциалов, а именно – как коллективная стратегия обретения смысла, преодоления одиночества, совладания со смертью. Чтобы прояснить эту связь, необходимо сначала рассмотреть, как именно духовные экзистенциалы соотносятся с проблемой идентичности.

В философской литературе выделяются несколько базовых экзистенциалов, имеющих прямое отношение к проблеме идентичности. В первую очередь это смысл, поскольку вопрос о смысле жизни является центральным в экзистенциальной философии. В. Франкл показал, что стремление к смыслу есть фундаментальная мотивация человека, а его фрустрация ведёт к экзистенциальному вакууму. Смысл не может быть «дан» извне; он должен быть найден и осуществлён самим человеком [8]. При этом национальная идентичность часто функционирует как один из источников смысла: принадлежность к «мы-группе» даёт ощущение значимости, цели, направления. Не менее важен экзистенциал смерти и конечности. М. Хайдеггер определяет его как «бытие-к-смерти»[9]. Осознание конечности – не просто психологический факт, но онтологическая структура, которая делает возможной подлинность существования. Коллективные идентичности часто выполняют функцию «символического бессмертия»: нация, культура, народ переживают индивидуальную смерть. Кризис идентичности актуализирует экзистенциал смерти: утрата коллективной «бессмертной» общности обнажает конечность индивидуального существования. С этим связаны и экзистенциалы одиночества и солидарности. Экзистенциальное одиночество – не просто отсутствие социальных контактов, но фундаментальная

отделённость человеческого сознания от других. А национальная идентичность предлагает иллюзию (или реальность?) преодоления этого одиночества через «слияние» с коллективным целым и выход из тупика в экзистенциале солидарности.

Страдание и вина также принадлежат к числу базовых экзистенциалов. Экзистенциальное страдание – не просто боль, но страдание от бессмысленности, от абсурдности существования. Вина – не юридическая, а онтологическая: сознание несоответствия между тем, что человек есть, и тем, чем он должен быть. Национальные нарративы часто включают элементы «коллективной вины» (за исторические преступления) или «коллективного страдания» (за перенесённые травмы). Кризис идентичности может быть связан с «разрывом» этих нарративов, с невозможностью продолжать нести «бремя вины» или «память страдания».

Далее, требует уточнения сама категория «национальная идентичность».

В современной философии национальная идентичность понимается как форма коллективного самоопределения, основанная на общих представлениях о происхождении, культуре, территории, языке, истории. Однако существует опасность сведения национальной идентичности к «идеологическому конструкту», создаваемому элитами. Как отмечают исследователи, «различные типы сообществ могут быть сконструированы как продукты идеологических действий локальных элит. [14]. Такая редукция упускает экзистенциальное измерение идентичности: почему люди не просто «принимают» навязанные конструкции, но переживают их как свои, готовы за них умирать? Д.В. Трубицын справедливо указывает, что «национальная идентичность содержательно связана с государством», и потому «появляется опасность дезинтеграции в случае глубокого кризиса» [2]. Однако эта связь с государством не объясняет, почему кризис государства становится кризисом личностным, экзистенциальным.

Ключ к пониманию этой связи даёт концепция «онтологической безопасности», введённая в социальную

теорию Э. Гидденсом. Утрата онтологической безопасности порождает экзистенциальную тревогу. Это означает, что национальная идентичность – не просто «конструкт», но способ совладания с экзистенциальной тревогой. Национальные нарративы выполняют функцию, аналогичную личностным нарративам: они обеспечивают чувство непрерывности, связности, осмысленности.

Кризис национальной идентичности наступает тогда, когда существующие нарративы перестают выполнять эту функцию. Это может происходить по разным причинам: внешние шоки (войны, революции, катастрофы), внутренние противоречия (конфликт ценностей, социальное расслоение), ускорение изменений (технологические сдвиги, миграция). Эти риски связаны с «деформацией социальных представлений о власти и государстве», «ростом тревоги и недоверия» [2]. Однако за этими социологическими показателями стоит экзистенциальный феномен: утрата «онтологической безопасности», чувства «дома» в мире.

Если национальная идентичность выполняет функцию онтологической безопасности, то она неизбежно связана с духовными экзистенциалами. Рассмотрим эту связь систематически. Национальная идентичность даёт ответ на вопрос «зачем?»: зачем жить, зачем жертвовать, зачем продолжать. Национальные нарративы предлагают «большие истории», в которых индивидуальная жизнь обретает значимость. Утрата национальной идентичности – это утрата горизонта смысла, экзистенциальный вакуум. Одновременно национальная идентичность предлагает «символическое бессмертие»: нация, народ, культура переживают индивида. Умереть «за нацию» – значит преодолеть смерть через причастность к «вечному» целому. Кризис идентичности обнажает конечность: если нация не вечна, то и «символическое бессмертие» иллюзорно. Далее, национальная идентичность предлагает «слияние» с коллективом: «мы» больше, чем «я». Это не просто социальная принадлежность, но экзистенциальное преодоление отделённости. Кризис идентичности означает утрату этого «мы», возвращение к экзистенциальному одиночеству. Наконец, национальные

нарративы включают «коллективные травмы» и «коллективную вину». Они дают язык для страдания, превращают его в «смысл» (жертва, мученичество, искупление). Кризис идентичности – это «отказ» от этого языка, невозможность продолжать «нести» вину или страдание.

Связь между экзистенциалами и кризисом идентичности не является прямой. Экзистенциальная тревога – постоянный фон человеческого существования. Кризис идентичности возникает тогда, когда «защитные механизмы» – национальные нарративы, ритуалы, институты – перестают работать. Это можно описать через понятие «онтологической инновации» [6]: когда существующие нарративы не справляются с тревогой, государства и сообщества пытаются создать новые. Но инновация не всегда успешна: она может усилить тревогу, породить «контридентичность» [2]. Д.В. Трубицын отмечает, что «подавление субъективного принципа в выборе идентичности» делает стратегию консолидации «бесперспективной»: она «может сформировать взрывную «контридентичность», угрожающую отменить себя» [2, с.107]. С экзистенциальной точки зрения это означает: идентичность, навязанная извне, не может выполнять функцию онтологической безопасности. Для этого она должна быть «присвоена», пережита как своя. Понимание этого механизма позволяет обратиться к конкретным проявлениям кризиса национальной идентичности в свете экзистенциальной аналитики.

Хайдеггер описывает Dasein как «не-дома-бытие» (Un-zuhause). Человек всегда «не дома» в мире, но обычно это «не-дома-бытие» скрыто, приглушено привычками, рутиной, «падением».[9]

Кризис идентичности обнажает эту бездомность: привычный мир рушится, и человек оказывается «на улице», без «дома». Национальная идентичность – один из способов «обживания» мира, создания «дома». Кризис идентичности – это утрата «дома», возвращение к экзистенциальной бездомности. Именно поэтому кризис идентичности переживается так остро: он не просто «политический» или «культурный», он экзистенциальный. С этой утратой «дома»

тесно связан и экзистенциал вины, приобретающий в контексте национальной идентичности форму «коллективной ответственности». Многие национальные нарративы включают элементы вины: за колониализм, за войны, за репрессии. Эти нарративы могут выполнять позитивную функцию: они делают прошлое «проработанным», превращают вину в «ответственность», в «урок». Но они могут также стать источником «парализующей вины», которая разрушает идентичность. Кризис идентичности в этом случае – кризис «нарратива вины»: либо отказ от него (отрицание, вытеснение), либо невозможность его «нести» (депрессия, саморазрушение). Экзистенциальная аналитика показывает, что вина не может быть «решена» ни отрицанием, ни бесконечным «искуплением». Она требует «прощения» – акта, который выходит за пределы «справедливости». Наконец, экзистенциал смерти в контексте национальной идентичности принимает форму страха «смерти нации»: исчезновения, растворения, ассимиляции. Этот страх может быть продуктивным (мобилизация на защиту культуры) или деструктивным (ксенофобия, агрессия). Экзистенциальная философия показывает, что подлинное отношение к смерти – не «избегание», но «принятие» конечности. Аналогично, подлинная национальная идентичность – не «борьба за выживание» любой ценой, но «принятие» исторической конечности, открытость будущему, которое может быть иным.

Всё сказанное позволяет сделать вывод, что кризис национальной идентичности – не только социально-политическая, но и экзистенциальная проблема. Адекватное понимание этого кризиса требует не только социологических исследований и политических решений, но и философской рефлексии, обращённой к духовным экзистенциалам. Это не означает, что философия может «решить» проблему идентичности. Экзистенциалы – не «задачи», которые можно «решить», но условия, в которых разворачивается человеческое существование. Однако философская рефлексия может прояснить, что именно стоит на кону в кризисе идентичности, какие экзистенциальные потребности пытаются удовлетворить национальные нарративы, почему их «поломка» переживается так остро. Практический вывод состоит в том, что стратегии

«консолидации» идентичности, игнорирующие экзистенциальное измерение, обречены на провал. Они могут дать краткосрочный эффект, но не могут создать «онтологическую безопасность», которая требует не «навязанной», но «присвоенной» идентичности. Присвоение же идентичности – это экзистенциальный акт, который не может быть «управляем» извне. Дальнейшие исследования могли бы пойти по пути эмпирического изучения экзистенциальных переживаний в ситуациях идентификационного кризиса: как люди переживают утрату национальной идентичности, какие «стратегии совладания» используют, какие «ресурсы» (религия, семья, творчество) оказываются наиболее эффективными. Философская рефлексия должна здесь соединиться с эмпирической работой, чтобы понять, как духовные экзистенциалы «работают» в конкретных исторических и социальных условиях.

Список использованных источников и литературы:

[1] Домников С.Д. Сакральное и мирское. – М.: ИФ РАН, 2010. – 168 с.

[2] Трубицын Д.В. Российская идентичность как проблема исторической динамики // Социологические исследования. – 2025. – №1. – С. 96-112.

[3] Нижников С.А. Проблема духовного в западной и восточной культуре и философии: монография. – М.: ИНФРА-М, 2012. – 168 с.

[4] Бердяев Н.А. Дух и реальность // Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 363-460.

[5] Карп Р. Онтологическая безопасность: национальные идентичности под стрессом. – Лондон: Routledge, 2025. – 224 с.

[6] Сащенко Н.П. Национально-государственная идентичность и устойчивость современного государства: вызовы и риски // Актуальные проблемы взаимодействия политики и права: материалы круглого стола. – Минск: БГУ, 2024. – С. 166-170.

[7] Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. – 288 с.

[8] Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

[9] Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.

[10] Ясперс К. Философия. Книга вторая: Просветление экзистенции. – М.: Канон+, 2012. – 448 с.

© Е.А. Жигалова, Л.Е. Пак, 2026

К.С. Едалова,
студентка 2 курса напр. «Правовое обеспечение национальной безопасности»,
науч. рук.: ***В.А. Данилова,***
к.ю.н., доц.,
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация: в статье исследуется влияние цифровизации государственного управления на конституционно-правовой статус личности. Рассматриваются понятие цифрового государства, содержание цифровой идентичности, особенности реализации конституционных прав и свобод в электронной среде, а также проблемы защиты персональных данных и преодоления цифрового неравенства. Обосновывается вывод о необходимости развития конституционных гарантий прав личности в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус личности; цифровое государство; цифровые права; персональные данные; цифровая идентичность; права человека.

Развитие информационно-коммуникационных технологий меняет характер взаимоотношений личности и государства. Получение государственных услуг, уплата налогов, дистанционное обучение и электронный документооборот осуществляются преимущественно в цифровой форме. В результате возникает необходимость переосмысления конституционно-правового статуса личности.

Цифровизация не отменяет традиционную конструкцию статуса личности, но изменяет способы реализации конституционных прав. Человек становится не только гражданином и носителем основных прав, но и участником цифровых правоотношений, пользователем государственных

информационных систем и субъектом обработки персональных данных.

Цифровое государство представляет собой модель организации публичной власти, при которой государственные функции и услуги реализуются с использованием цифровых платформ, электронного документооборота, баз данных и автоматизированных систем. Его развитие направлено на повышение доступности государственных услуг, прозрачности управления и эффективности взаимодействия граждан с органами власти. [6]

В условиях цифрового государства личность получает возможность реализовывать ряд конституционных прав в электронной форме. Например, право на обращение в государственные органы реализуется через электронные сервисы, право на образование – через дистанционные образовательные платформы.

Вместе с тем цифровое государство создает и риски. Расширение сбора и обработки персональных данных способно усиливать контроль за гражданами, а автоматизация принятия решений – ограничивать индивидуальные права. Поэтому цифровая трансформация имеет не только техническое и административное, но и конституционно-правовое значение. Цифровая трансформация также влияет на содержание и механизм реализации конституционно-правовых основ Российской Федерации. Конституционно-правовой статус сохраняет свои элементы, но в условиях цифровой среды приобретают новые черты.

Прежде всего изменяется форма правосубъектности. Для доступа к государственным услугам гражданину нередко требуется подтвержденная учетная запись или иной способ цифровой идентификации. Таким образом, возникает цифровая идентичность – совокупность сведений и технических средств, позволяющих идентифицировать человека в информационных системах. Цифровая идентичность связана с конституционными правами на достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также со свободой информации. Статьи 21–24 и 29 Конституции Российской Федерации формируют базу для защиты гражданина от

необоснованного сбора, обработки и распространения персональных данных. [1]

Особое значение приобретает защита персональных данных. Государственные информационные системы аккумулируют сведения о здоровье, доходах, образовании, месте жительства, семейном положении и иных сторонах жизни человека. Ненадлежащее использование таких сведений может привести к дискриминации и чрезмерному государственному контролю. Поэтому обработка данных должна быть законной, целевой, соразмерной и подконтрольной. [2]

В сегодняшних реалиях, цифровизация затрагивает практически все группы конституционных прав. Личные права реализуются через защиту цифровой идентичности, биометрических данных и частной жизни. Политические права получают новые формы выражения: граждане могут направлять электронные обращения, участвовать в обсуждении проектов решений и получать информацию о деятельности органов власти. Социально-экономические права обеспечиваются электронными сервисами в сферах здравоохранения, образования, занятости и социального обеспечения. [3]

Однако цифровая форма реализации прав не должна становиться единственно возможной. Принцип равенства требует сохранения альтернативных способов получения государственных услуг для пожилых граждан, лиц с инвалидностью, жителей отдаленных территорий и людей, не обладающих цифровыми навыками. В противном случае цифровизация способна породить цифровое неравенство и фактически ограничить доступ к конституционным благам.

Право на судебную защиту также трансформируется. [5] Электронная подача документов и дистанционные судебные заседания ускоряют доступ к правосудию, но не должны умалять принципы состязательности, равенства сторон и права на квалифицированную юридическую помощь.

Основными проблемами являются отсутствие единой концепции цифровых прав, недостаточная защита персональных данных, распространение алгоритмических решений и цифровое неравенство. Для укрепления статуса личности необходимо: во-первых, законодательно закрепить принципы цифровой

идентичности и допустимых пределов обработки персональных данных и обеспечить судебный и административный контроль за автоматизированными решениями органов власти; во-вторых, сохранить альтернативные каналы взаимодействия с государством; в-третьих, повышать цифровую грамотность населения и доступность цифровых сервисов и устанавливать ответственность за утечки и неправомерное использование персональных данных.

Таким образом, развитие цифрового государства не создает принципиально нового конституционно-правового статуса личности, но существенно меняет условия реализации ее прав и свобод. Цифровая идентичность, персональные данные и электронное взаимодействие с государством становятся важными элементами правового положения гражданина.

Задача конституционного права состоит в том, чтобы обеспечить баланс между эффективностью цифрового управления и защитой достоинства, свободы, частной жизни и равенства личности. Цифровые права следует рассматривать не как обособленную категорию, а как форму реализации классических конституционных прав. Только при наличии надежных гарантий цифровая трансформация будет способствовать укреплению, а не ограничению конституционно-правового статуса личности.

Список использованных источников и литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

[2] Федеральный закон "О персональных данных" от 27.07.2006 N 152-ФЗ.

[3] Пашнина Т.В. К вопросу о «новых» правах человека в контексте цифрового конституционализма // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2026. №6 (142). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-novyh-pravah-cheloveka-v-kontekste-tsifrovogo-konstitutsionalizma (дата обращения: 18.10.2026).

[4] Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики конституционного

Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-tsifrovoe-prostranstvo-v-konstitutsionnom-izmerenii-iz-praktiki-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 18.10.2026).

[5] Точеная А.В. Эволюция прав человека в Российской Федерации в цифровую эпоху XXI века // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2021. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-prav-cheloveka-v-rossiyskoy-federatsii-v-tsifrovuyu-epohu-xxi-veka (дата обращения: 19.10.2026).

[6] Бугаец А.А., Приймак Е.Н. Правовой статус личности в современной России: научные подходы и влияние цифровизации // Архонт. 2025. №19. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-lichnosti-v-sovremennoy-rossii-nauchnye-podhody-i-vliyanie-tsifrovizatsii (дата обращения: 19.10.2026).

© К.С. Едалова, В.А. Данилова, 2026

М.М. Сарычев,
адъюнкт адъюнктуры
напр. «Юриспруденция»,
науч. рук.: ***А.А. Дягилев,***
к.ю.н., доц.,
Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород Российская Федерация

ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация: исследуются теоретические основы оперативно-розыскного предупреждения преступлений. Раскрываются понятие, сущность и особенности данного вида деятельности через призму общей теории оперативно-розыскной деятельности, криминологии и теории предупреждения преступности. Анализируются специфические черты объектов, субъектов, методов и средств оперативно-розыскного предупреждения. Особое внимание уделяется психологическим, социальным и организационным аспектам предупредительной деятельности в киберпространстве.

Ключевые слова: оперативно-розыскное предупреждение, теория ОРД, предупреждение преступлений.

Проблема предупреждения преступлений традиционно занимает одно из центральных мест в юридической науке. Вместе с тем, несмотря на значительное число исследований, в теории права и отраслевых науках до настоящего времени не выработано единого подхода к содержанию и соотношению таких категорий, как «предупреждение», «профилактика», «предотвращение» и «пресечение». Как указывает А.В. Варданян, «эта дискуссия проистекает из давнишней и не законченной окончательно до настоящего времени полемики по поводу использования правильности терминов «профилактика», «предупреждение», «предотвращение» и т. п., дающей возможность высказать свои позиции ученым-юристам, но не всегда позволяющей сформулировать конструктивные

предложения, направленные на повышение эффективности профилактической деятельности» [1].

В этой связи отметим, что важнейшей задачей любой науки является формирование системы категорий, имеющих четкую и однозначную интерпретацию. Рассуждая о сущности и предназначении предупреждения преступлений, следует установить его категориальное определение, выявить смежные понятия и определить их целевое предназначение. Определение категории «предупреждение» крайне важно не только для усовершенствования понятийно-категориального аппарата, но и для совершенствования правореализации в целом.

В этимологическом плане предупреждение означает «оповещение [2], извещение, [3] предостерегающее о чём-либо», «профилактика» (от греч. prophilaktikos – предохранительный) – это совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка [4]; предотвращение – «недопущение чего-либо», пресечение – «прекращение, остановку». Однако юридическая интерпретация этих терминов существенно различается.

В большей части научных работ данный термин рассматривается в криминологическом значении и употребляется в связке с термином «преступление» [5]. Обращение внимания на криминологическое значение предупреждения преступления, по мнению А.В. Агаркова, необходимо считать заслуживающим внимания, так как именно в области криминологии теоретические разработки системы предупреждения преступлений являются ее изначальным источником, где теория предупреждения преступности выступает в качестве самостоятельного раздела [6].

А.Ю. Арефьев отмечал, что теория предупредительного воздействия на преступность оценивается как интегративная концепция, охватывающая проблему в целом, включающая характеристику единого процесса предупреждения преступлений, анализа общесоциального и специального предупреждения, взаимодействия подсистем специального предупреждения, при этом в широком смысле под предупредительным воздействием на преступность понимается

воздействие субъектов на факторы, детерминирующие существование преступности и совершение преступлений, которое направлено на устранение, уменьшение и нейтрализацию негативного влияния этих факторов, а также ограничение возможности их возникновения [7]. Данное понятие, разработанное профессором В.С. Устиновым, прочно вошло в научный оборот и использовалось в подавляющем большинстве соответствующих исследований 90-х годов [8].

При этом, как отмечает С.С. Галахов: «до сих пор нет единых подходов к понятию и содержанию предупреждения преступлений, более того в рамках осуществления превентивной деятельности продолжается использование в разной интерпретации не только термина «предупреждение», но и терминов «профилактика», «предотвращение» преступлений, объединенных, тем не менее, единой смысловой нагрузкой» [9].

Вокруг использования данных терминов идет достаточно активная дискуссия на протяжении длительного времени. Так, А. И. Долгова, обращает внимание на то, что одними авторами понятия «предупреждение» и «профилактика» трактуются как синонимы, другими, при трехчленном понимании предупреждения преступлений, профилактика рассматривается как часть предупреждения, причем к предупреждению относят также предотвращение и пресечение преступлений [10].

Например, А.Ю. Арефьев, анализируя исследуемые понятия, считает, что они, по сути, синонимичны и, несмотря на различия смысловых оттенков, могут использоваться равноценно [11].

В свою очередь, А.Г. Лекарь, рассматривая профилактику и предупреждение в качестве этапов предотвращения преступления, отмечал, что «предотвращение преступлений – это сложный процесс, где выделяются не только предупреждение и профилактика, но и пресечение преступлений, а именно: деятельность по установлению лиц, готовящих совершение преступления и покушающихся на них, и по принятию необходимых мер в целях прекращения их преступных действий» [12]. Он указывал, что каждая составная часть имеет одну цель – недопущение преступлений, но эта цель достигается разными по своему характеру мероприятиями с

использованием различных сил и средств, поэтому их надо четко различать [13].

Также встречаются суждения, определяющие предупреждение и профилактику как общее и частное, при этом соотнося их с диаметрально противоположных позиций. Так, например, Е. Н. Яковец и Д. А. Бражников считают, что профилактика преступлений является частью предупреждения преступлений и реализуется в направлении общей и индивидуальной профилактики путем выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также выявления лиц, образ жизни и поведение которых указывают на возможность совершения ими преступлений [14].

В противовес им можно привести точку зрения о том, что понятие профилактики шире, чем предупреждение, «поскольку профилактика может быть реализована как органами официальной государственной власти, так и субъектами, не обладающими императивными правами и специальными полномочиями» [15].

В теории оперативно-розыскной деятельности дискуссия о соотношении указанных терминов приобрела особую остроту в связи с выделением самостоятельной задачи предупреждения преступлений в ст. 2 Федерального закона от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Однако легального определения оперативно-розыскного предупреждения законодатель не дал, а ведомственное регулирование, первоначально содержавшееся в приказе МВД России от 17.01.2006 №19, с 2023 г. утратило силу и было заменено приказом МВД России от 24.08.2023 №619, использующим термин «профилактика» без раскрытия его содержания применительно к оперативным подразделениям.

Так понятия «оперативно-розыскное предупреждение» и «оперативно-розыскная профилактика» целесообразно рассматривать как содержательно однопорядковые. Несмотря на то, что Федеральный закон от 23 июня 2016 г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и принятый в его развитие приказ МВД России от 24 августа 2023 г. №619 оперируют преимущественно категорией «профилактика», все же в рамках настоящей работы

в качестве базового используется именно термин «оперативно-розыскное предупреждение». Такой выбор обусловлен рядом обстоятельств.

Во-первых, именно термин «предупреждение» закреплён в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в качестве одной из задач ОРД, что придаёт ему легальный статус и ориентирует правоприменителя на законодательную терминологию. Использование в научном обороте термина, не совпадающего с законом, порождает излишнюю двусмысленность и затрудняет соотнесение теоретических конструкций с нормативными предписаниями.

Во-вторых, этимология слова «предупреждение» (заранее принятыми мерами помешать чему-либо осуществиться, наступить) точнее отражает проактивный характер оперативно-розыскной деятельности, направленной на недопущение преступлений на возможно более ранних стадиях. Термин «профилактика» (от греч. prophylaktikos – предохранительный) несёт в себе акцент на устранение причин и условий, что является хотя и важной, но лишь частью общей предупредительной работы. В оперативно-розыскной деятельности, помимо воздействия на причины и условия, существенное значение имеют выявление и склонение к отказу от преступных намерений конкретных лиц, оперативное прикрытие объектов, контроль за криминогенной средой – эти аспекты полнее охватываются понятием «предупреждение».

В-третьих, в доктрине оперативно-розыскной деятельности сложилась устойчивая традиция рассматривать «оперативно-розыскное предупреждение» как комплексное понятие, включающее в себя меры общей и индивидуальной профилактики, предотвращение замышляемых и подготавливаемых преступлений, а также оперативно-розыскное обеспечение недопущения вредных последствий. При таком понимании «профилактика» является одним из элементов (направлений) предупреждения, а не его синонимом в полном объёме.

Таким образом, под понятием «оперативно-розыскное предупреждение преступлений», понимается комплексная, осуществляемая гласно и негласно деятельность

уполномоченных субъектов с использованием сил, средств и методов ОРД, направленную на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению преступлений, выявление лиц, замышляющих или подготавливающих такие преступления, оказание на них профилактического воздействия, а также на недопущение реализации преступного умысла и наступления общественно опасных последствий. При этом термины «профилактика» и «предупреждение» используются как взаимодополняющие, но иерархически соподчинённые: профилактика – составная часть предупреждения, а предупреждение – родовое понятие, охватывающее весь спектр упреждающих мер.

Такое решение на наш взгляд снимает неопределённость, сохраняет преемственность с законодательной терминологией и обеспечивает логическую стройность дальнейшего исследования.

Список использованных источников и литературы:

[1] Варданян А.В. Концепция предупреждения тяжких насильственных преступлений: гносеологический, оперативно-разыскной и криминалистический аспекты // Юристъ-Правовед, 2011. – №2. – С. 6-10.

[2] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва, 1997. С.366.

[3] Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва, 1949. Т. 3. – С.113.

[4] См.: Большой толковый словарь русского языка / Российская Академия наук. СПб., 1998. С. 1035, 962, 959, 956.

[5] Коржев М.А. Понятие и система предупреждения преступности // Инновационная наука. 2015. – №7. – С. 76-78.

[6] Агарков А.В. Содержание понятий оперативно-розыскного предупреждения и оперативно-розыскной профилактики в уголовно-исполнительной системе // Вестник Владимирского юридического института. 2025. – №1(74). – С. 21-25.

[7] Арефьев А.Ю. Проблемы виктимологической профилактики квартирных краж, грабежей и разбойных нападений на квартиры: дис.... канд. юрид. наук. Н. Новгород,

1994.

[8] Арефьев А.Ю. Проблемы виктимологической профилактики квартирных краж, грабежей и разбойных нападений на квартиры: дис.... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1994; Стукалова Т.В. Обеспечение прав человека в деятельности ОВД по профилактике преступлений: дис.... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998; Гришин А.Н. Уличная преступность и ее профилактика службой милиции общественной безопасности в условиях крупного города: дис.... канд. юрид. наук. СПб., 1999; и др.

[9] Галахов С.С. Роль уголовного законодательства в решении превентивных задач оперативно-разыскной деятельности: материалы межведомственного круглого стола «Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности» (Рязань, 14 апреля 2016 г.). – С. 35-44

[10] Долгова А.И. Криминология. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. – С. 226-267.

[11] Арефьев А.Ю. Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскного обеспечения предупреждения преступлений (по материалам оперативных подразделений органов внутренних дел): диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Нижний Новгород, 2013.

[12] Лекарь А.Г. Основы организации предотвращения преступлений органами внутренних дел: учебное пособие. Ташкент, 1988. С. 7.

[13] Лекарь А.Г. Предотвращение преступлений органами охраны общественного порядка (исследование правовых, организационных и тактических основ деятельности органов охраны общественного порядка по предотвращению преступлений): автореф дис. … д-ра юрид. наук. М., 1967. – С. 6-7.

[14] Яковец Е.Н., Бражников Д.А. Осуществление оперативно-розыскных мероприятий в целях предупреждения преступлений: проблемные вопросы законодательства и основные направления реализации // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, №4(60). С. 397-406. Гришин Д.А. Предупреждение преступности: разграничение используемой терминологии //

Закон и право. 2020. №7. – С. 92.

[15] Волков В.Ю., Макайда П.А. Профилактика и предупреждение административных правонарушений и преступлений // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. – Т. 6, №3. – С. 297-303.

© М.М. Сарычев, 2026

В.И. Изотова,
студентка 1 курса
напр. «Лечебное дело»,
Н.Г. Голубева,
к.б.н., доц.,
ОГУ им. И.С. Тургенева
г. Орёл, Российская Федерация

РОЛЬ ГИПОТАЛАМО-ГИПОФИЗАРНОЙ СИСТЕМЫ В НОРМАЛЬНОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ЕЁ РАССТРОЙСТВА И ПАТОЛОГИИ

Аннотация: настоящая статья представляет собой обзор научной литературы, фокусирующейся на исследовании и систематизации данных о функционировании гипоталамо-гипофизарной системы. Кроме того, в работе анализируются патологические состояния, развивающиеся в указанных структурах изолированно.

Ключевые слова: гипоталамо-гипофизарная система, гипофиз, гипоталамус, гормоны, синдром «пустого турецкого седла».

Эндокринная система – совокупность эндокринных желез, вырабатывающих специальный секрет, называемый гормоном. Регулируют выработку гормонов железы, которые подразделяются на три группы: эндокринные, экзокринные и железы смешанной секреции.

Экзокринные железы представляют собой органы, имеющие проток для выведения секрета непосредственно на поверхность тела или слизистых оболочек. Примером таких желёз является молочная железа (mamma), потовая железа (glandulae sudorfere), сальная (sebaceous glands).

Экзокринные железы – органы, не имеющие выводных протоков и выбрасывающие гормоны непосредственно в жидкие среды организма (кровь, лимфа). С циркулирующей кровью гормоны попадают к органам-мишеням. К железам внутренней

секреции относятся гипофиз (hypophysis), гипоталамус (hypothalamus), надпочечники (glandule suprarenales).

Особенность желез смешанной секреции заключается в их двойственной природе. Часть их клеток синтезирует гормоны, которые поступают во внутреннюю среду организма. Одновременно другие клетки того же органа вырабатывают секрет, направляемый по выводным протокам на поверхность тела.

Гипоталамо-гипофизарная система: дирижер эндокринной регуляции.

Гипоталамус и гипофиз образуют единую морфологическую структуру – гипоталамо-гипофизарную систему. Эта система играет ключевую роль в регуляции множества физиологических процессов в организме человека.

Гипоталамус: центр управления в промежуточном мозге.

Гипоталамус расположен в области промежуточного мозга. Он содержит большое количество специализированных нервных клеток, называемых ядрами гипоталамуса. Уникальность этих ядер заключается в том, что они преобразуют нервные импульсы, поступающие из других отделов центральной нервной системы, в нейросекреты. Эти нейросекреты, в свою очередь, влияют на выработку гормонов гипофизом [1].

Гипоталамус состоит из трех основных областей: передней, средней и задней. Важно отметить, что ядра каждой области тесно взаимосвязаны. Гипоталамус оказывает влияние на эндокринную, соматическую и вегетативную нервные системы. Благодаря этому в гипоталамусе формируются центры, отвечающие за функционирование различных органов и систем:

– центр голода и насыщения;
– терморегуляции;
– регуляции полового созревания;
– центр удовольствия (регуляции полового поведения);
– центр сна и бодрствования; центр страха и ярости.

Активность гипофиза во многом зависит от концентрации глюкозы и уровня инсулина в крови. Кроме того, в гипоталамусе и гипофизе синтезируются энкефалины и эндорфины – гормоны, которые помогают снижать уровень

стресса и обладают обезболивающим эффектом [2].

Выделяют патологии гипоталамуса. Гипоталамический синдром (ГС) – симптомокомплекс, обусловленный первичным поражением гипоталамуса и проявляющейся в нейроэндокринных, вегетососудистых и психоэмоциональных нарушениях [3]. Проблема гипоталамического синдрома требует вмешательства различных медицинских наук (гинекологии, педиатрии, геронтологии, эндокринологии). По возникновению различают первичный и вторичный ГС. Клинически доказано, что первичное поражение гипоталамуса может возникать уже в антенатальном периоде. А вот вторичное поражение наблюдается в детском и взрослом возрасте. Его проявление характерно для людей, находящихся в условиях постоянного стресса; в результате систематического переедания, а также наследственной предрасположенности.

Гипоталомическое ожирение, наблюдаемое при расстройстве центра голод-насыщение, может возникнуть в результате ряда факторов, в той или иной степени влияющей на гипоталамус. К таким факторам можно отнести травмы, лучевую терапию, приём лекарственных препаратов, мутации генов. Всё вышеперечисленное способно привести к гиперфагии – увеличению количества потребляемой пищи.

Кахексия (истощение) как следствие патологий гипоталамуса встречается значительно реже, чем ожирение, однако является установленным клиническим феноменом. К предрасполагающим факторам развития гипоталамической кахексии относятся опухоли промежуточного мозга или зрительного нерва. Кроме того, данное состояние может манифестировать на поздних стадиях болезни Паркинсона.

Нарушения полового поведения, в свою очередь, чаще всего ассоциированы с ожирением, опухолями основания головного мозга и различными дегенеративными или структурными изменениями церебральных структур.

Гипоталомический несахарный диабет является следствием недостатка выработки антидиуретического гормона (аргинин-вазопрессина). Главным клиническим проявлением данной патологии является выраженная полиурия. Суточный диурез достигает 4-10 л. в сутки (в обычных условиях 1000-1200

мл. в сутки).

Роль гипоталамуса в организме человека трудно переоценить. Как отмечал Г.И. Маркелов, «нет ни одной травмы черепа, которая не оставляла бы своих последствий на гипоталамус, нет ни одной инфекции или интоксикации, которая бы в той или иной степени не влияла на него. Мало того, даже ограниченное поражение отдельных участков общей вегетативной сети находят в нём своё отражение и имеют соответствующие последствия».[3].

Гипофиз (также известный как шишковидная железа), небольшая железа весом 0,5-0,6 г, расположенная в турецком седле на теле клиновидной кости. Он соединен с гипоталамусом посредством ножки. Гипофиз состоит из трех четко различимых частей: передней (аденогипофиз), средней и задней (нейрогипофиз). В каждой доли секретируются строго определённые гормоны. Регулируя важнейшие физиологические процессы, гипофиз напрямую влияет на активность выработки гормонов гипофиззависимыми железами, а следовательно, и на нормальное функционирование всего организма.

Гормоны аденогипофиза: соматотропный гормон (СТГ или гормон роста) строго специфичен.Если имеет место выраженная гиперфункция аденогипофиза, то есть повышение уровня СТГ, в таком случае наблюдается гигантизм, а если выработка СТГ угнетена – проявляется карликовость. Повышение уровня СТГ во взрослом возрасте приводит к акромегалии – увеличению конечностей (стоп, кистей,частей лица).

Передняя доля гипофиза: адренокортикотропный гормон (АКТГ) – стимулирует рост надпочечников и синтез кортикостероидов. Тиреотропный гормон (ТТГ) – стимулирует синтез йодтиронинов в щитовидной железе. Гонадотропные гормоны (включая лютеинизирующий гормон – ЛГ и фолликулостимулирующий гормон – ФСГ) – регулируют функцию половых желез. Пролактин – стимулирует продукцию и секрецию женского молока.

Средняя доля гипофиза: меланотропин – стимулирует выработку пигментов в коже.

Гормоны задней доли гипофиза (нейрогипофиза):

антидиуретический гормон (АДГ, вазопрессин): усиливает реабсорбцию воды в почечных канальцах. Патология: несахарный диабет. Окситоцин – применяется в гинекологии для стимуляции родовой деятельности (усиливает сокращения матки) [4].

К одним из патологий шишковидного тела относится синдром «пустого турецкого седла» (ПТС). Синдром «пустого турецкого седла» – это комплекс нарушений нервной и эндокринной систем, а также органов зрения. Он возникает, когда оболочки головного мозга выпячиваются в полость турецкого седла, сдавливая и деформируя гипофиз – одну из ключевых желез внутренней секреции [5]. В результате недоразвитости диафрагмы гипофиза, отверстие диафрагмы (через которое проходит ножка гипофиза) увеличивается, и гипофизарная ямка заполняется спинномозговой жидкостью, гипофизарной тканью, иногда даже провисающими зрительными нервами.

Существует две вариации синдрома ПТС – первичное и вторичное проявление. Первичное «пустое турецкое седло» обусловлено комплексом физиологических изменений, включая гипоплазию диафрагмы (упомянутую ранее), многократные беременности и наступление менопаузы. Кроме того, к развитию данного состояния могут приводить патологические процессы, вызывающие уменьшение объема гипофиза, такие как инфаркт гипофизарной ткани. Вторичное «пустое турецкое седло» формируется вследствие хирургических вмешательств или длительной медикаментозной терапии.

Симптоматика синдрома «ПТС» представлена двумя группами: эндокринные и неврологические нарушения.

Эндокринные нарушения связаны с увеличением или уменьшением выработки определенного гормона (СТГ, АКТГ, ТТГ) и как следствие -дисфункции гипофиззависимых желез.

Неврологические симптомы: сильные головные боли, повышение температуры тела, снижение остроты зрения, чувство страха, одышка, двоение в глазах.

Роль гипоталамо-гипофизарной системы в организме человека высока. И гипоталамус, и гипофиз, сообщаясь между собой, контролируют деятельность большей части желёз нашего

организма. Минимальное повреждение этих структур способно вызвать серьезные патологические изменения.

Список использованных источников и литературы:

[1] Мутузко Н.С., Никитин Ю.И. Физиология гипоталамо-гипофизарно-овариальной системы. Учебно-методическое пособие. Витебск. 2002. – 15 с.

[2] Шагина В.Н., Блохина И.И., Серов И.С. Состояния, развивающиеся при повреждении гипоталамуса. // Молодой учёный. – 2019. – №36 (274). – С. 28-30.

[3] Коняшин Д.А., Мокашева Е.Н., Мокашева Е.Н. Избранные вопросы патологии гипоталамо-гипофизарной системы. // European Journal of Natural History. – 2022. – №3. – С. 32-37.

[4] Килесса В.В., Жукова Н.В., Шкадова М.Г., Костюкова, Е.А. Инволютивный гипоталамический синдром. // Крымский терапевтический журнал. – 2017г. – №1. – С. 37-40.

[5] Максименкова Н.И., Куташов В.А. Синдром «пустого турецкого седла». // Медицина: вызовы сегодняшнего дня. – М.: Буки-Веди, 2016. – С. 41-43.

© В.И. Изотова, Н.Г. Голубева, 2026

В.В. Елистратова,
магистрант 2 года обучения
напр. «Психология»,
Б.М. Басангова,
к.пед.н., доцент,
ОЧУ ВО «Московский университет
им. А.С. Грибоедова»,
г. Москва, Российская Федерация

КОГНИТИВНЫЕ НАРУШЕНИЯ У ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА: КОМПЛЕКСНЫЙ НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: в статье представлены результаты исследования когнитивных нарушений у детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). У детей с РАС выявлены более низкие показатели рабочей памяти и скорости обработки информации, а также более выраженные нарушения исполнительных функций, зрительно-пространственной организации и слухоречевой памяти. Результаты подтверждают гетерогенность когнитивного профиля при РАС и помогают определить мишени нейропсихологической коррекции.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра, когнитивные нарушения, исполнительные функции, рабочая память, нейропсихологическая диагностика, дети, когнитивный профиль, скорость обработки информации, нейропсихологическая коррекция.

Расстройства аутистического спектра (РАС) представляют собой группу нейробиологических нарушений развития, характеризующихся стойкими дефицитами в социальном взаимодействии и коммуникативной сфере, а также наличием стереотипных паттернов поведения и ограниченных интересов [1]. Согласно современным эпидемиологическим данным, распространённость РАС в мировой популяции составляет

около 1% и продолжает расти [2]. В России вопрос диагностики и коррекции РАС приобретает особую актуальность в связи с развитием инклюзивного образования и необходимостью построения индивидуальных образовательных маршрутов для детей с аутизмом [3].

Когнитивный дефицит при РАС рассматривается как один из ключевых факторов, определяющих прогноз социальной адаптации и обучаемости ребёнка. В.М. Башина подчёркивала, что при РАС наблюдается не тотальное снижение интеллекта, а своеобразная «интеллектуальная диссоциация» – неравномерность развития отдельных познавательных функций [4]. Так, на фоне возможной сохранности механической памяти, перцептивной точности и способностей к конструированию грубо страдают социальный интеллект, смысловая память, способность к обобщению и переносу навыка [5].

В зарубежной литературе когнитивный профиль при РАС описывается через ряд теоретических моделей: гипотезу исполнительной дисфункции (executive dysfunction hypothesis), предполагающую дефицит планирования, когнитивной гибкости и тормозного контроля [6]; теорию слабого центрального согласования (weak central coherence), объясняющую фокус на деталях в ущерб целостному восприятию [7]; и теорию дефицита психики (theory of mind deficit), связывающую социальные нарушения с неспособностью понимать ментальные состояния других [8]. Каждая из этих моделей описывает отдельный аспект когнитивной дисфункции, однако комплексный нейропсихологический подход, объединяющий оценку различных функций в рамках единой методологической парадигмы, представлен в литературе недостаточно.

В отечественной нейропсихологической традиции, восходящей к работам А.Р. Лурии, анализ когнитивных нарушений строится на концепции трёх функциональных блоков мозга: блока регуляции тонуса и бодрствования, блока приёма, переработки и хранения информации и блока программирования, регуляции и контроля [9]. Ж.М. Глозман и коллеги адаптировали луриевскую батарею для детского возраста, предложив количественно-качественный подход к оценке высших психических функций [10]. Применение данного

подхода к детям с РАС позволяет не только выявить характер и степень когнитивных нарушений, но и определить первичный дефект и его вторичные последствия, что имеет принципиальное значение для построения коррекционных программ [11].

Нейропсихологические исследования детей с РАС, проведённые в последние годы, демонстрируют значительную вариативность когнитивных профилей. И.А. Нигматуллина и соавторы выявили комплексную задержку всех сфер развития у дошкольников с РАС, включая нарушения речевого, моторного и регуляторного компонентов [12]. Е.В. Гуткевич с коллегами установили взаимосвязь между показателями акустических вызванных потенциалов ствола мозга и функционированием различных блоков головного мозга у детей с РАС [13].

В то же время остаётся недостаточно изученным вопрос о соотношении выраженности аутистических симптомов и степени когнитивного дефицита у детей школьного возраста, а также о специфике нейропсихологического профиля при разной тяжести РАС. Заполняя данный пробел, настоящее исследование направлено на комплексную нейропсихологическую оценку когнитивных функций у детей с РАС школьного возраста с использованием многоуровневой батареи методик.

Цель исследования – выявить специфику и степень выраженности когнитивных нарушений у детей с расстройствами аутистического спектра школьного возраста и определить взаимосвязь между тяжестью аутистических проявлений и когнитивным дефицитом.

Гипотезы исследования: дети с РАС демонстрируют статистически значимые различия по показателям когнитивных функций в сравнении с типично развивающимися сверстниками, причём наиболее выраженный дефицит наблюдается в сфере управляющих функций и слухоречевой памяти;

В исследовании приняли участие 60 детей в возрасте от 7 до 11 лет. Экспериментальную группу (ЭГ) составили 30 детей (24 мальчика, 6 девочек) с верифицированным диагнозом РАС (МКБ-10: F84.0 – детский аутизм; F84.5 – синдром Аспергера), средний возраст 9,2 ± 1,3 года. Диагноз был подтверждён врачом-психиатром. Контрольную группу (КГ) составили 30 детей (22 мальчика, 8 девочек) с типичным развитием, средний

возраст 9,0 ± 1,1 года, не имеющие психоневрологических диагнозов и трудностей в обучении по данным педагогической характеристики. Группы были сопоставимы по возрасту (U-критерий Манна–Уитни, $p = 0,42$) и полу ($\chi^2 = 0,37$, $p = 0,54$).

охватывающих различные уровни когнитивного функционирования: 1)Шкала оценки детского аутизма CARS-2 (Childhood Autism Rating Scale, Second Edition; Э. Шоплер и др.); 2. Тест Векслера для детей WISC-IV (Wechsler Intelligence Scale for Children – Fourth Edition); 3. Нейропсихологическая батарея проб А.Р. Лурии в адаптации Ж.М. Глозман; 4. Тест «Заучивание 10 слов» А.Р. Лурии; 5. Корректурная проба Бурдона; 6. Методика «Кубики Кооса»; 7. Тест Струпа (Stroop Test). Данные обрабатывались с помощью методов непараметрической статистики (критерий Манна–Уитни для межгрупповых сравнений, коэффициент ранговой корреляции Спирмена для анализа взаимосвязей). Для описательной статистики использовались медиана (Me) и интерквартильный размах (Q1; Q3). Критический уровень значимости принимался равным $p < 0,05$. Обработка проводилась в программе SPSS Statistics v.26.

Сравнительный анализ показателей интеллекта (WISC-IV). Результаты сравнения групп по показателям WISC-IV представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительные показатели интеллекта по тесту WISC-IV (Me; Q1; Q3)

Показатель	**ЭГ (n=30)**	**КГ (n=30)**	**U, p**
FSIQ (общий IQ)	78; 72; 89	104; 97; 112	U = 128, p < 0,001
VCI (вербальное понимание)	76; 70; 85	102; 95; 110	U = 142, p < 0,001
PRI (перцептивное рассуждение)	88; 80; 98	106; 98; 115	U = 210, p < 0,001
WMI (рабочая память)	74; 68; 82	101; 94; 108	U = 110, p < 0,001

PSI (скорость обработки)	72; 65; 82	103; 96; 112	U = 95, p < 0,001
NVIQ > VIQ (разница, баллы)	12; 8; 18	2; 0; 4	U = 167, p < 0,001

Анализ данных таблицы 1 показывает, что по всем индексам WISC-IV дети с РАС демонстрируют статистически значимо более низкие показатели. Наиболее выраженные различия наблюдаются по индексу скорости обработки (PSI): медиана в ЭГ составляет 72 балла против 103 в КГ. Индекс рабочей памяти (WMI) также резко снижен – 74 против 101 балла. Общий IQ (FSIQ) в ЭГ находится в диапазоне пограничного уровня интеллектуального функционирования (70–79), в то время как в КГ – в норме (90–109).

Профиль интеллекта у детей с РАС характеризуется выраженной неравномерностью: медианная разница между невербальным и вербальным IQ составляет 12 баллов в ЭГ против 2 баллов в КГ. Однако в нашей выборке 7 из 30 детей с РАС (23,3%) не продемонстрировали данного паттерна, что подтверждает гетерогенность когнитивных профилей при аутизме.

Результаты нейропсихологического обследования представлены в таблице 2 (по методике Ж.М. Глозман).

Таблица 2 – Результаты нейропсихологического обследования (средний балл по сфере; Me; Q1; Q3)

Сфера	**ЭГ (n=30)**	**КГ (n=30)**	**U, p**
Моторная сфера	1,8; 1,3; 2,4	0,3; 0,1; 0,5	U = 98, p < 0,001
Зрительный гнозис	1,1; 0,8; 1,5	0,2; 0,0; 0,4	U = 152, p < 0,001
Слуховой гнозис	1,4; 1,0; 1,8	0,2; 0,1; 0,4	U = 120, p < 0,001
Праксис	1,6; 1,2; 2,1	0,3; 0,2; 0,5	U = 105, p < 0,001

Слухоречевая память	2,1; 1,7; 2,6	0,4; 0,2; 0,7	U = 72, p < 0,001
Зрительная память	1,5; 1,1; 2,0	0,3; 0,2; 0,6	U = 118, p < 0,001
Речевые функции	1,9; 1,5; 2,4	0,3; 0,1; 0,5	U = 88, p < 0,001
Регуляция и контроль	2,3; 1,9; 2,8	0,5; 0,3; 0,8	U = 52, p < 0,001

Наиболее выраженный дефицит в экспериментальной группе выявлен в сфере регуляции и контроля (программирование, регуляция и контроль деятельности – III функциональный блок мозга по А.Р. Лурии): средний балл составил 2,3 против 0,5 в контрольной группе. Это проявлялось в трудностях удержания инструкции, импульсивных реакциях, персеверациях, невозможности самостоятельной коррекции ошибок. Данный результат согласуется с гипотезой исполнительной дисфункции при РАС, подробно описанной в зарубежной литературе [6].

Второй по выраженности дефицит обнаружен в сфере слухоречевой памяти (2,1 балла в ЭГ против 0,4 в КГ). Качественный анализ показал, что дети с РАС демонстрировали низкую продуктивность заучивания, пологую кривую заучивания (отсутствие нарастания продуктивности от пробы к пробе), выраженную интерференцию при гетерогенном отвлечении и снижение отсроченного воспроизведения. Эти данные согласуются с результатами пилотажного исследования нейропсихологических функций детей с РАС 6–7 лет [14].

Менее выраженными, но статистически значимыми были различия в зрительном гнозисе (1,1 против 0,2). При качественном анализе выявлено, что дети с РАС испытывали трудности в пробах на перечёркнутые и наложенные изображения, а также в пробе на пространственное восприятие, что указывает на дефицитарность правополушарной холистической стратегии переработки информации, отмеченную Е.В. Гуткевич и соавторами [13].

Результаты теста «Заучивание 10 слов» показали, что

исследование слухоречевой памяти с помощью отдельной методики «10 слов» дало следующие результаты: объём непосредленного запоминания после первого предъявления в ЭГ составил в среднем 3,2 ± 1,4 слова (Me = 3; Q1 = 2; Q3 = 4) против 6,1 ± 1,2 (Me = 6; Q1 = 5; Q3 = 7) в КГ (U = 84, p < 0,001). После четвёртого предъявления дети с РАС воспроизводили в среднем 5,8 ± 1,8 слова против 9,2 ± 0,9 в КГ (U = 112, p < 0,001). Отсроченное воспроизведение через 1 час составило 2,9 ± 1,6 слова в ЭГ и 8,1 ± 1,3 в КГ (U = 65, p < 0,001). Таким образом, у детей с РАС резко снижены как непосредственное запоминание, так и прочность слухоречевых следов.

Результаты корректурной пробы Бурдона показали, что скорость выполнения (количество просмотренных знаков за 5 минут) в ЭГ составила 412 ± 78 (Me = 410) против 625 ± 65 (Me = 620) в КГ (U = 145, p < 0,001). Количество ошибок: ЭГ – 18,5 ± 7,2 (Me = 17), КГ – 4,3 ± 2,1 (Me = 4) (U = 92, p < 0,001). Коэффициент точности (Кт): ЭГ – 0,72 ± 0,12, КГ – 0,94 ± 0,04 (U = 88, p < 0,001). Дети с РАС демонстрировали быструю истощаемость, нарастание ошибок к концу задания, тенденцию к пропуску целевых стимулов и персеверативные нажатия.

Результаты методики «Кубики Кооса» показали, что время выполнения первого (простого) задания в ЭГ составило 42 ± 18 с (Me = 40) против 18 ± 6 с (Me = 17) в КГ (U = 156, p < 0,001). Количество ошибок: ЭГ – 3,4 ± 1,8, КГ – 0,8 ± 0,6 (U = 98, p < 0,001). При выполнении сложных заданий (с диагональным делением кубиков) 12 детей из ЭГ (40%) не смогли выполнить задание даже после обучающей помощи, тогда как в КГ с этими заданиями справились все участники. Качественный анализ показал, что дети с РАС испытывали трудности при анализе образца (фокусировались на отдельных деталях, не воспринимая целостную структуру), а также при планировании последовательности действий – что согласуется с теорией слабого центрального согласования [7].

Результаты теста Струпа показали, что время выполнения карты 1 (чтение слов) в ЭГ составило 38 ± 12 с против 24 ± 5 с в КГ (U = 178, p < 0,001). Карты 2 (называние цвета) – 45 ± 15 с против 27 ± 6 с (U = 165, p < 0,001). Карты 3 (конфликтная) – 72 ± 22 с против 34 ± 8 с (U = 84, p < 0,001). Индекс

интерференции: ЭГ – 27 ± 11 с, КГ – 7 ± 4 с ($U = 76$, $p < 0{,}001$). Полученные данные свидетельствуют о выраженном дефиците тормозного контроля у детей с РАС: они испытывают существенные трудности при подавлении автоматизированной реакции чтения слова в пользу называния цвета. При этом в простой пробе (карта 2) различия также значимы, что указывает на общий замедленный темп переработки информации.

Проведённое комплексное нейропсихологическое исследование когнитивных нарушений у 60 детей (30 с РАС, 30 с типичным развитием) с применением батареи из семи методик позволило установить следующее:

1. Дети с РАС 7-11 лет демонстрируют статистически значимо более низкие показатели по всем исследованным когнитивным сферам в сравнении с типично развивающимися сверстниками: общему интеллекту, вербальному пониманию, перцептивному рассуждению, рабочей памяти, скорости обработки, моторной сфере, гнозису, праксису, слухоречевой и зрительной памяти, вниманию, тормозному контролю и конструктивному праксису.

2. Наиболее выраженный дефицит выявлен в сфере регуляции и контроля (III функциональный блок мозга), слухоречевой памяти и скорости обработки информации, что подтверждает гипотезу исполнительной дисфункции при РАС и указывает на дефицитарность как лобных, так и стволовых структур мозга.

3. Когнитивный профиль при РАС носит мозаичный характер: профиль NVIQ > VIQ наблюдается у большинства, но не у всех детей, что подтверждает гетерогенность когнитивных нарушений при аутизме.

Полученные данные имеют практическое значение для построения индивидуальных коррекционно-развивающих программ: первоочередное внимание должно быть уделено развитию произвольной регуляции деятельности, тормозного контроля и слухоречевой памяти, с учётом мозаичности когнитивного профиля и зоны ближайшего развития.

Список использованных источников и литературы:

[1] Американская психиатрическая ассоциация.

Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам (DSM-5). – М.: Медицинское информационное агентство, 2022. – 850 с.

[2] Maenner M.J. et al. Prevalence and Characteristics of Autism Spectrum Disorder Among Children Aged 8 Years – Autism and Developmental Disabilities Monitoring Network, 11 Sites, United States, 2020 // MMWR Surveillance Summaries. 2023. Vol. 72(2). P. 1-14.

[3] Романова О.В., Таланцева О.И. Особенности интеллектуального развития при расстройстве аутистического спектра (РАС) // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. №1. С. 70-81.

[4] Башина В.М. Аутизм в детстве. – М.: Медицина, 1999. – 240 с.

[5] Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребёнок: пути помощи. – М.: Теревинф, 2012. – 288 с.

[6] Pennington B.F., Ozonoff S. Executive functions and developmental psychopathology // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1996. Vol. 37(1). P. 51-87.

[7] Frith U. Autism: Explaining the Enigma. – Oxford: Blackwell, 2003. – 268 p.

[8] Baron-Cohen S., Leslie A.M., Frith U. Does the autistic child have a "theory of mind"? // Cognition. 1985. Vol. 21(1). P. 37-46.

[9] Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 374 с.

[10] Глозман Ж.М. Нейропсихологическая диагностика детей дошкольного возраста. – М.: Смысл, 2020. – 320 с.

[11] Глозман Ж.М. Практическая нейропсихология. Опыт работы с детьми, испытывающими трудности в обучении. – М.: Эксмо, 2019. – 256 с.

[12] Нигматуллина И.А., Садретдинова Э.А., Юдина А.О. и др. Специфика речевого развития детей с расстройствами аутистического спектра: нейропсихологический подход // Учёные записки Казанского университета. С. Гуманитарные науки. 2023. Т. 165. №4. С. 112-125.

[13] Гуткевич Е.В., Пустовая Е.В. и др. Клинико-нейропсихологические особенности церебральной организации

подкорковых структур в развитии психических расстройств аутистического спектра у детей // Клиническая и специальная психология. 2022. Т. 11. №3. С. 120-139.

[14] Нейропсихологическое исследование особенностей когнитивных функций детей с расстройствами аутистического спектра // Вестник медицинской психологии. 2024. №2. С. 10-20.

© В.В Елистратова, Б.М. Басангова, 2026

В.З. Окунев,
магистрант 2 года обучения
напр. «Психология»,
Л.Ю. Беленкова,
к.псх.н., доцент,
ОЧУ ВО «Московский университет
им. А.С. Грибоедова»,
г. Москва, Российская Федерация

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ПРИТЯЗАНИЙ НА ХАРАКТЕР САМОАКТУАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация: в статье изучено влияние уровня притязаний на самоактуализацию молодёжи. Выявлено, что у молодёжи с высоким уровнем притязаний выше показатели ориентации во времени, поддержки, самопринятия и познавательных потребностей. Обнаружены значимые связи между мотивационной структурой притязаний и параметрами самоактуализации. Результаты подтверждают значимость уровня притязаний для реализации самоактуализационного потенциала в молодёжном возрасте.

Ключевые слова: уровень притязаний, самоактуализация, молодёжь, мотивация достижения, самоотношение, ценностные ориентации, копинг-стратегии, личностная зрелость.

Проблема самоактуализации личности относится к числу фундаментальных в гуманистической психологии. По А. Маслоу, самоактуализация представляет собой процесс реализации внутреннего потенциала человека, его стремление «стать тем, кем он способен стать» [1, с. 58]. В современной психологической науке все больше внимания уделяется изучению условий, способствующих или препятствующих развертыванию самоактуализационного потенциала, особенно в молодежном возрасте – периоде активного формирования идентичности, ценностных ориентаций и жизненных стратегий [2].

Уровень притязаний, введенный в научный оборот школой К. Левина (Т. Дембо, Ф. Хоппе), определяется как

стремление к достижению целей такой степени сложности, на которую человек считает себя способным [3]. Б.Г. Ананьев рассматривал уровень притязаний как характеристику, отражающую соотношение «потенций и тенденций» личности [4, с. 127]. В.С. Мерлин указывал, что уровень притязаний связан с потребностью сохранить свои достижения и избежать ситуаций, угрожающих самооценке [5]. А. Маслоу подчеркивал, что для самоактуализации необходим высокий, но реалистичный уровень притязаний – стремление к максимальной реализации своих талантов и возможностей [1].

Ряд эмпирических исследований подтверждает связь между уровнем притязаний и самоактуализацией. Установлено, что у молодых людей с высоким уровнем притязаний наиболее выражены потребности в самоутверждении и самоактуализации, а также более развита ориентация во времени и способность к самопринятию [6, 7]. Показано, что низкий уровень притязаний сопряжен с ригидностью мотивационной сферы, снижением субъективной активности и фрагментарностью ценностно-смысловой структуры личности [8]. Однако остаются недостаточно изученными конкретные механизмы влияния мотивационных компонентов уровня притязаний на отдельные параметры самоактуализации, а также роль самоотношения в этом процессе.

Цель исследования – выявить и проанализировать влияние уровня притязаний на характер самоактуализации современной молодежи, а также определить предикторы, способствующие развитию самоактуализационного потенциала личности.

Исследование построено по сравнительному плану с тремя группами испытуемых. Сбор данных проводился в период с сентября 2025 по февраль 2026 года. В исследовании приняли участие 142 человека в возрасте от 18 до 30 лет ($M = 23,4$; $SD = 3,7$), из них 84 женщины (59,2%) и 58 мужчин (40,8%). По результатам моторной пробы Шварцландера выборка была разделена на три группы: с высоким уровнем притязаний ($n = 47$), средним ($n = 53$) и низким ($n = 42$). Группы сопоставимы по возрасту и полу (критерий Краскела-Уоллиса, $p > 0,05$).

Методики исследования: 1. Моторная проба Шварцландера [9]. 2. Опросник «Оценка уровня притязаний»

В.К. Гербачевского [10]. 3. Самоактуализационный тест (САТ) Э. Шострома в адаптации Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана, М.В. Кроза и М.В. Загики [11]. 4. Тест-опросник самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантилеева [12]. 5. Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича [13]. Статистическая обработка данных проводилась с использованием методов описательной статистики, H-критерия Краскела-Уоллиса и U-критерия Манна-Уитни для сравнения групп, корреляционного анализа по Спирмену и множественного регрессионного анализа. Уровень статистической значимости принимался при $p < 0,05$.

Сравнительный анализ показателей самоактуализации (САТ) между группами с разным уровнем притязаний выявил статистически значимые различия по большинству шкал (таблица 1).

Таблица 1 – Сравнительный анализ показателей самоактуализации (САТ) у молодежи с разным уровнем притязаний (M ± SD)

Шкала САТ	**Высокий УП (n = 47)**	**Средний УП (n = 53)**	**Низкий УП (n = 42)**	**H (Краскел-Уоллис)**	**p**
Ориентация во времени	14,8 ± 3,1	11,2 ± 2,8	8,4 ± 2,5	24,37	< 0,001
Поддержка	68,3 ± 10,2	52,7 ± 9,8	41,1 ± 8,4	31,15	< 0,001
Ценностные ориентации	16,1 ± 3,4	13,5 ± 3,1	10,8 ± 2,9	18,92	< 0,001
Гибкость поведения	17,4 ± 3,8	13,9 ± 3,2	10,2 ± 2,7	21,06	< 0,001
Сензитивность	10,2 ± 2,3	8,7 ± 2,1	7,1 ± 1,9	12,44	< 0,01
Спонтанность	11,3 ± 2,7	9,1 ± 2,4	7,4 ± 2,0	15,82	< 0,001
Самоуважение	12,1 ± 2,5	9,8 ± 2,3	7,6 ± 2,1	19,37	< 0,001
Самопринятие	15,4 ± 3,2	12,1 ± 2,9	9,3 ± 2,6	22,18	< 0,001
Представление о природе человека	7,2 ± 1,8	5,9 ± 1,6	4,8 ± 1,4	10,73	< 0,01

Принятие агрессии	12,8 ± 2,9	10,3 ± 2,6	8,1 ± 2,3	16,54	< 0,001
Контактность	14,7 ± 3,3	11,8 ± 3,0	9,2 ± 2,7	17,91	< 0,001
Познавательные потребности	9,8 ± 2,2	7,4 ± 2,0	5,6 ± 1,7	20,83	< 0,001
Креативность	9,1 ± 2,4	7,2 ± 2,1	5,8 ± 1,8	14,67	< 0,01

Примечание: УП – уровень притязаний. M – среднее арифметическое, SD – стандартное отклонение. H – значение критерия Краскела-Уоллиса.

Данные таблицы 1 показывают, что по всем четырнадцати шкалам САТ группа с высоким уровнем притязаний демонстрирует достоверно более высокие значения по сравнению с группой низких притязаний. Наиболее выраженные различия зафиксированы по шкалам «Поддержка» ($H = 31,15$; $p < 0,001$), «Самопринятие» ($H = 22,18$; $p < 0,001$), «Гибкость поведения» ($H = 21,06$; $p < 0,001$) и «Познавательные потребности» ($H = 20,83$; $p < 0,001$).

Анализ мотивационной структуры уровня притязаний по опроснику В.К. Гербачевского показал, что молодые люди с высоким уровнем притязаний обладают более развитой и структурированной мотивационной сферой (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели мотивационной структуры уровня притязаний по опроснику В.К. Гербачевского (M ± SD)

Компонент мотивационной структуры	**Высокий УП (n = 47)**	**Средний УП (n = 53)**	**Низкий УП (n = 42)**	**U (Манн-Уитни)***	**p**
Внутр. мотив	7,8 ± 1,4	6,2 ± 1,3	4,9 ± 1,1	684,0	< 0,001
Познав. мотив	7,4 ± 1,5	5,8 ± 1,2	4,3 ± 1,0	712,5	< 0,001
Мотив самоуважения	7,1 ± 1,3	5,5 ± 1,2	4,1 ± 1,1	695,0	< 0,001
Мотив смены деят-ти	5,3 ± 1,2	4,8 ± 1,1	4,2 ± 1,0	834,0	< 0,05

Мотив избегания неудачи	3,9 ± 1,1	5,2 ± 1,3	6,7 ± 1,5	703,0	< 0,001
Значимость рез-тов	8,1 ± 1,3	6,4 ± 1,2	4,7 ± 1,0	641,0	< 0,001
Оценка уровня достижений	7,6 ± 1,2	6,1 ± 1,1	4,8 ± 1,0	678,0	< 0,001
Намеченный уровень мобилизации	7,9 ± 1,4	6,3 ± 1,3	5,0 ± 1,1	691,0	< 0,001
Ожидаемый уровень рез-тов	8,2 ± 1,3	6,5 ± 1,2	4,6 ± 1,0	632,0	< 0,001
Инициативность	7,3 ± 1,5	5,7 ± 1,3	4,2 ± 1,1	668,0	< 0,001

Примечание: * – U-критерий Манна-Уитни для сравнения групп с высоким и низким уровнем притязаний. УП – уровень притязаний.

Результаты, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что в группе с высоким уровнем притязаний доминируют внутренний мотив (M = 7,8), познавательный мотив (M = 7,4) и мотив самоуважения (M = 7,1), тогда как мотив избегания неудачи минимален (M = 3,9). В группе с низким уровнем притязаний наблюдается обратная картина: мотив избегания неудачи доминирует (M = 6,7), а внутренний и познавательный мотивы существенно снижены.

Сравнительный анализ показателей самоотношения (таблица 3) выявил, что уровень притязаний связан с характером отношения личности к себе.

Таблица 3 – Показатели самоотношения у молодежи с разным уровнем притязаний (M ± SD)

Шкала самоотношения	**Высокий УП (n = 47)**	**Средний УП (n = 53)**	**Низкий УП (n = 42)**	**H**	**p**
Открытость	6,8 ± 1,5	5,4 ± 1,4	4,2 ± 1,2	14,83	< 0,001
Самоуверенность	7,4 ± 1,6	5,9 ± 1,4	4,5 ± 1,2	18,27	< 0,001
Саморуководство	7,1 ± 1,5	5,6 ± 1,3	4,1 ± 1,1	16,94	< 0,001
Отраженное самоотношение	6,5 ± 1,4	5,2 ± 1,3	4,3 ± 1,2	11,76	< 0,01
Самоценность	7,2 ± 1,5	5,7 ± 1,4	4,4 ± 1,2	15,21	< 0,001
Самопринятие	7,6 ± 1,6	5,8 ± 1,4	4,2 ± 1,1	19,46	< 0,001
Самопривязанность	5,4 ± 1,3	5,1 ± 1,2	4,9 ± 1,1	3,12	> 0,05
Внутренняя конфликтность	3,8 ± 1,2	5,4 ± 1,4	7,1 ± 1,6	21,05	< 0,001
Самообвинение	3,5 ± 1,1	4,9 ± 1,3	6,5 ± 1,5	18,72	< 0,001

Примечание: H – значение критерия Краскела-Уоллиса.

Как видно из таблицы 3, у респондентов с высоким уровнем притязаний достоверно выше показатели самоуверенности, саморуководства, самоценности и самопринятия. При этом внутренняя конфликтность и самообвинение, напротив, значимо выше в группе с низкими притязаниями. Шкала «Самопривязанность» не показала значимых различий (H = 3,12; p > 0,05), что может указывать на ригидность самоотношения как явления, в меньшей степени зависящего от уровня притязаний.

Корреляционный анализ по Спирмену, проведенный на всей выборке, выявил значимые взаимосвязи между показателями уровня притязаний и параметрами самоактуализации (таблица 4).

Таблица 4 – Значимые корреляции между показателями уровня притязаний и самоактуализации (коэффициент Спирмена, N = 142)

Пара переменных	ρ (Спирмен)	p
Уровень притязаний (ЦО) ↔ Ориентация во времени	0,48	< 0,001
Уровень притязаний (ЦО) ↔ Поддержка	0,51	< 0,001
Уровень притязаний (ЦО) ↔ Самопринятие (САТ)	0,46	< 0,001
Уровень притязаний (ЦО) ↔ Познавательные потребности	0,43	< 0,001
Внутренний мотив ↔ Поддержка	0,39	< 0,001
Внутренний мотив ↔ Ориентация во времени	0,37	< 0,001
Мотив самоуважения ↔ Самоуважение (САТ)	0,41	< 0,001
Мотив избегания ↔ Самопринятие (САТ)	-0,38	< 0,001
Значимость результатов ↔ Познав. потребности	0,36	< 0,001
Инициативность ↔ Гибкость поведения	0,34	< 0,001
Мотив избегания ↔ Внутр. конфликтность	0,31	< 0,01
Самообвинение ↔ Поддержка	-0,35	< 0,001
Самопринятие (Столин) ↔ Самопринятие (САТ)	0,44	< 0,001
Самоуверенность ↔ Ориентация во времени	0,29	< 0,01

Примечание: ЦО – целевое отклонение по методике Шварцландера.

Корреляционный анализ показал, что общий уровень притязаний (ЦО) имеет наиболее сильные положительные связи со шкалами «Поддержка» ($\rho = 0,51$; $p < 0,001$), «Ориентация во времени» ($\rho = 0,48$; $p < 0,001$) и «Самопринятие» ($\rho = 0,46$; $p <$

0,001). Это означает, что молодые люди с более высоким уровнем притязаний обладают большей автономностью, способностью жить в настоящем и принимать себя. Мотив избегания неудачи, напротив, отрицательно связан с самопринятием ($\rho = -0{,}38$; $p < 0{,}001$) и положительно – с внутренней конфликтностью ($\rho = 0{,}31$; $p < 0{,}01$), что подтверждает дезадаптивный характер данной мотивационной тенденции.

Выводы по результатам исследования показали, что:

1. У молодежи с высоким уровнем притязаний достоверно выше показатели по всем шкалам самоактуализации (САТ), особенно по шкалам «Поддержка», «Ориентация во времени», «Самопринятие» и «Познавательные потребности». Это свидетельствует о большей личностной зрелости, автономности и способности к полноценному переживанию настоящего момента.

2. Мотивационная структура личности с высоким уровнем притязаний характеризуется доминированием внутреннего и познавательного мотивов, высокой значимостью результатов и инициативностью, тогда как для низких притязаний типичен мотив избегания неудачи и сниженная мотивационная активность.

3. Выявлена система значимых корреляционных связей, подтверждающая, что уровень притязаний связан с параметрами самоактуализации через посредство самоотношения: высокие притязания коррелируют с самоуверенностью, самопринятием и самоценностью, а низкие – с внутренней конфликтностью и самообвинением.

4. Полученные данные определяют мишени для психологической коррекции и консультирования молодежи: развитие адекватного уровня притязаний, формирование внутренней мотивации, работа с самоотношением (снижение внутренней конфликтности и самообвинения), а также преодоление избегающих стратегий. Результаты обосновывают целесообразность интеграции когнитивно-поведенческих и гуманистических подходов в программы психологического сопровождения молодежи.

Список использованных источников и литературы:

[1] Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.

[2] Александрова М.А., Мешкова Т.А. Долгосрочные тенденции в проблемах самоактуализации молодежи // Психологическая наука и образование. – 2025. – Т. 1, №1. – С. 22-38.

[3] Хоппе Ф. Успех и неудача // Психология мотивации и эмоций / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: АСТ, 2009. – С. 142-167.

[4] Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.

[5] Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. – М.: Педагогика, 1986. – 256 с.

[6] Куликова Е.С. Особенности самоактуализации молодых людей с разным уровнем притязаний: магистерская диссертация. – Екатеринбург: УрФУ, 2021. – 78 с.

[7] Бузган А.Ю. Взаимосвязь ответственности и самоактуализации у современной молодежи // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16, №4. – С. 54-67.

[8] Кулькова Е.А., Шаповалова Е.Ю. Особенности самоактуализации личности современной молодежи с разным уровнем притязаний // SciPress. – 2025. – URL: https://scipress.ru

[9] Шварцландер Й. Моторная проба для определения уровня притязаний // Хрестоматия по общей психологии. Психология личности / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: МГУ, 1982. – С. 166-172.

[10] Гербачевский В.К. Опросник «Оценка уровня притязаний» // Практикум по психодиагностике. – М.: МГУ, 1988. – С. 42-51.

[11] Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Кроз М.В., Загика М.В. Самоактуализационный тест // Практикум по психодиагностике. – М.: МГУ, 1987. – С. 118-135.

[12] Столин В.В., Пантилеев С.Р. Тест-опросник самоотношения // Практикум по психодиагностике. – М.: МГУ, 1988. – С. 14-28.

[13] Рокич М. Методика «Ценностные ориентации» // Практикум по психологии личности. – СПб.: Питер, 2006. – С.

89-97.

[14] Соколова Е.Т. Самооценка и образ тела как психологические предикторы нарушений развития личности // Вопросы психологии. – 2020. – №3. – С. 45-58.

© В.А. Окунев, Л.Ю. Беленкова, 2026

Е.Н. Трубникова,
педагог-психолог,
напр. «Психология развития, акмеология»,
МОУ «Майнский многопрофильный
лицей имени В.А. Яковлева»,
р.п. Майна Ульяновской обл.,
Российская Федерация

РАЗВИТИЕ 4К-КОМПЕТЕНЦИЙ У ОБУЧАЮЩИХСЯ С ПОМОЩЬЮ АРТ-ТЕРАПЕВТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: в статье рассматривается потенциал арт-терапевтических технологий как инструмента развития универсальных компетенций «4К» (критическое мышление, креативность, коммуникация, кооперация) у обучающихся. Обосновывается, что традиционная фронтальная форма урока не всегда создаёт условия для тренировки «мягких навыков» в безопасной, безоценочной среде. Арт-терапия, напротив, предоставляет такое пространство, поскольку творческая деятельность позволяет безопасно выражать эмоции и развивать воображение. На основе анализа теоретических источников и эмпирических исследований описываются конкретные техники (изотерапия, мандалотерапия, коллаж, сказкотерапия, куклотерапия, «диалог в рисовании») и их связь с каждым из компонентов 4К. Приводятся данные экспериментов, подтверждающие статистически значимую положительную динамику: наиболее выраженные изменения зафиксированы в сфере коммуникации (снижение низкого уровня на 42 п.п.) и критического мышления (на 22 п.п.). Делается вывод о целесообразности внедрения арт-терапевтических программ в систему психолого-педагогического сопровождения.

Ключевые слова: 4К-компетенции, арт-терапия, критическое мышление, креативность, коммуникация, кооперация, педагог-психолог, социально-эмоциональное развитие.

Современный социальный заказ ориентирован на формирование у выпускников универсальных компетенций,

обеспечивающих успешность в быстро меняющемся мире. Ключевыми среди них признаны так называемые «4К-компетенции»: критическое мышление, креативность, коммуникация и кооперация. Младший школьный и подростковый возраст являются сензитивными периодами для целенаправленного развития данных компетенций: в этот период интенсивно развиваются высшие психические функции, воображение и способность к рефлексии.

Однако традиционная фронтальная форма урока ориентирована преимущественно на академические достижения и часто не предоставляет достаточного пространства для тренировки «мягких навыков» в безопасной, неоценочной атмосфере. В этом контексте особый потенциал приобретают арт-терапевтические технологии. Как отмечает А.И. Копытин, арт-терапия представляет собой систему психологических воздействий, основанных на использовании художественного творчества в терапевтических и коррекционных целях. Для педагога-психолога это инструмент, который одновременно решает задачи социально-эмоционального развития и целенаправленного формирования 4К-компетенций.

Технологии арт-терапии в контексте 4К: практический арсенал педагога-психолога

Арт-терапевтический подход располагает широким набором техник, каждая из которых может быть избирательно направлена на развитие конкретных компонентов 4К.

Изотерапия (рисование, лепка, работа с изобразительными материалами) создаёт предпосылки для развития способности принимать решения, делать осознанный выбор и творчески мыслить; именно эти процессы лежат в основе критического мышления. Техники вроде «кляксографии» или монотипии стимулируют дивергентное мышление, а последующее обсуждение образа тренирует способность к аргументации.

Мандалотерапия – создание рисунка в круге – способствует развитию целостной перцепции, фиксации эмоций и, что важно для нас, развитию креативного мышления. Кроме того, работа с мандалой, даже в течение 10–15 минут, тренирует концентрацию и устойчивость внимания, что является базой для критического анализа.

Коллажирование выступает как «двухмерный конструктор», тренажёр для развития чувства свободы в поиске вариантов создаваемых образов, метафорического мышления и поиска парадоксальных решений. В групповом формате создание общего коллажа становится прямым тренажёром кооперации: участники должны распределить роли, согласовать смыслы и интегрировать индивидуальные идеи в единый продукт.

Сказкотерапия и куклотерапия решают задачи коррекции страхов, формирования социально одобряемого поведения и развития эмпатии. Разыгрывание историй или создание кукольного спектакля требует от обучающихся согласованного взаимодействия, умения слышать партнёра и выстраивать коммуникацию – то есть напрямую работает на компоненты «кооперация» и «коммуникация».

Наконец, техники совместного рисования, такие как «Диалог в рисовании» или «Завершение рисунка группой», создают условия для возникновения ориентации на партнёра и повышения сензитивности к чувствам других. Бусотерапия (совместное создание композиций из бусин) также направлена на формирование межличностных отношений через символический обмен и совместное творчество.

Модель организации занятий и условия эффективности.

Эффективность перечисленных техник повышается, когда они встраиваются в системную модель. В исследованиях Е.Д. Байцер и К.С. Шалагиновой описана программа, включающая 20 групповых занятий, организованных в пять тематических блоков:

1. Знакомство и создание безопасного пространства (занятия 1-3): установление правил, формирование атмосферы доверия.

2. Развитие креативности и критического мышления (занятия 4-7): стимулирование дивергентного мышления, воображения, способности к анализу.

3. Развитие кооперации и совместного творчества (занятия 8-12): совместное планирование, распределение ролей, интеграция идей.

4. Развитие коммуникации и рефлексии (занятия 13–17): невербальная коммуникация, эмпатия, формулирование позитивной обратной связи.

5. Закрепление и итоговые занятия (занятия 18–20): обобщение опыта и рефлексия изменений.

Ключевыми принципами организации такой работы являются безопасность, безоценочность и групповое взаимодействие. Именно отказ от оценивания продукта творчества снимает страх «сделать неправильно» и позволяет обучающимся свободно исследовать собственные идеи, что критически важно для развития креативности и критического мышления.

Эмпирические свидетельства эффективности.

Результаты эмпирических исследований подтверждают действенность арт-терапевтического подхода. В экспериментальной работе с участием 50 младших школьников статистическая обработка данных (G-критерий знаков) показала значимую положительную динамику по всем четырём компонентам 4К ($p \leq 0{,}01$). Наиболее выраженные изменения зафиксированы в сферах коммуникации (снижение низкого уровня на 42 процентных пункта) и критического мышления (снижение низкого уровня на 22 п.п.).

Это означает, что арт-терапевтические занятия оказывают наиболее сильное влияние именно на те дефициты, которые труднее всего поддаются коррекции в рамках традиционного урока: способность договариваться, слышать другого и аргументировать свою позицию. Для педагога-психолога это прямое указание на приоритетные мишени в собственной практике.

Арт-терапевтические технологии не заменяют академическое обучение, но заполняют важный пробел, связанный с развитием «мягких навыков» в безопасной, безоценочной среде. Для педагога-психолога они становятся инструментом, который позволяет одновременно работать над социально-эмоциональным благополучием участников образовательных отношений и целенаправленно формировать компетенции 4К. Системная организация занятий, опора на принципы безоценочности и группового взаимодействия, а

также осознанный подбор техник под конкретный компонент 4К делают арт-терапию не набором разрозненных упражнений, а целостной технологией психолого-педагогического сопровождения, целесообразность внедрения которой подтверждается эмпирическими данными.

Список использованных источников и литературы:

[1] Байцер Е.Д. Использование арт-терапевтических технологий в развитии 4К-компетенций // Социально-педагогические вопросы образования и воспитания: материалы III Всерос. науч. – практ. конф. Чебоксары: ИД «Среда», 2024. С. 137-138.

[2] Байцер Е.Д., Шалагинова К.С. Развитие 4К-компетенций с помощью арт-терапевтических технологий у детей младшего возраста как современная техника практической психологии // Психолого-педагогические исследования – Тульскому региону: материалы VI Регион. науч. – практ. конф. Чебоксары: «Среда», 2026. С. 452-455. DOI: 10.31483/r-166813.

[3] Шалагинова К.С., Байцер Е.Д. Использование арт-терапевтических технологий для развития 4К-компетенций у детей младшего возраста // Мир педагогики и психологии. 2026. № 01 (114).

[4] Копытин А.И. Арт-терапия детей и подростков / А.И. Копытин, Е.Е. Свистовская. СПб.: Речь, 2007.

© Е.Н. Трубникова, 2026